

СУДЬБА БРАТЬЕВ ПЕПЕЛЯЕВЫХ

Минувшее столетие, век -«волкодав», по определению поэта, оказалось поистине безжалостным для большой и старинной семьи Пепеляевых. Первые упоминания их фамилии встречаются еще в новгородских источниках 500-летней давности. И с тех пор многие поколения Пепеляевых служили на военном и гражданском поприще на благо Отечества.

Но оно, увы, не ответило взаимностью своим искренним патриотам. Самый младший из братьев, Логин, не успев окончить кадетский корпус, пал с оружием в руках в годы русской смуты, именуемой Гражданской войной, открыв печальный семейный мартиролог. Виктора и Анатолия расстреляли по приговору внесудебных органов. Аркадий и Михаил сгинули в сталинских лагерях. Горькую чашу лишений и страданий сполна испили их жены и дети, выброшенные политическими катаклизмами из родной страны и рассеянные по белу свету...

Далеко за полночь в камере на втором этаже Иркутского централа звякнул ключ. От зловещего, словно щелчок винтовочного затвора, леденящего кровь звука сразу сделалось не по себе.

- Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент, - голос зачитывавшего постановление ревкома доходил до сознания не сразу, как будто из другой реальности.

- По городу разбрасываются портреты Колчака... Все эти данные заставляют признать, что в городе существует тайная организация...

Слушая начальника Иркутской ЧК С. Чудновского, арестант никак не мог отделаться от навязчивой мысли, что все это ему знакомо и уже происходило, но только не с ним. Ах, да! Полтора года назад, Ипатьевский дом, около полуночи. Императорской семье предложили пройти в подвал. Первым, кажется, спускался Николай, держа на руках наследника. За ним - царица, дочери, доктор, слуги. На одном из последних докладов в Омске следователь Н. А. Соколов всех подробностях рассказал ему эту сцену. Перед тем как раздались выстрелы, им тоже зачитали подобие

обвинительного заключения. И в нем упоминалось о наступлении на Екатеринбург врагов революции и заговорах с целью освободить узников.

Что ж, знакомый прием. Неужели и с ним обойдутся точно так же?

- Постановил: бывшего Верховного правителя -адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров - Пепеляева - расстрелять.

Услышанное ударило как током, не укладывалось в голове. Ну, разве это не глупо - умирать в расцвете сил, в 36 лет? Скверно... А как все замечательно начиналось!

Виктор Николаевич был первенцем в большой дворянской семье, где было 8 детей - шестеро братьев и две сестры. Отец, Николай Михайлович Пепеляев, хотя и был уроженцем Санкт-Петербургской губернии, окончил Сибирскую военную гимназию, как одно время назывался Омский кадетский корпус. После Александровского военного училища тянул офицерскую лямку вдали от столиц. Звезд с неба, как говорится, не хватал, а медленно, ступенька за ступенькой, поднимался по служебной лестнице. В послужном списке, составленном в 1907 году, перечислены 5 орденов и несколько медалей, которыми отмечен командир 8-го пехотного Сибирского резервного Томского полка. Однако трудом праведным, как известно, не наживешь палат каменных. В графе о недвижимом имуществе, родовом или благоприобретенном, лаконичная запись - «не имеет». И предельно четкий вывод: «В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишаящих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги».

Общественная деятельность его старшего сына началась еще со студенческой скамьи. В отличие от младших братьев, Виктор еще в ранней юности выбрал для себя гражданское поприще. Поступив на юридический факультет Томского университета, с третьего курса он был выборным старостой. А ведь время было беспокойным - грянула первая русская революция, в университете кипели политические страсти.

Получив диплом, с женой и трехлетней дочкой Галей Виктор Николаевич в 1909 году переехал в тихий купеческий Бийск. На первых порах преподавал историю и географию в женской гимназии. Заработок был невелик, и поэтому приходилось подрабатывать еще и библиотекарем. Через пару лет он пере-шел во вновь открывшуюся мужскую гимназию. Преподавал

историю, был классным наставником и одновременно - секретарем педагогического совета.

Все свободное время занимает общественная деятельность - активное участие в Бийском обществе попечения о начальном образовании, организация любительских спектаклей и музыкальных вечеров. Пробует он силы и в журналистике. В местной газете «Алтай» публикуются его исторические очерки, к 50-летию отмены крепостного права выходит брошюра «В память 19 февраля 1861 г.».

Энергичная деятельность, подвижничество молодого педагога не остались незамеченными. 1341 голосом из 1602 его избирают по Бийскому уезду выборщиком в Государственную Думу IV созыва. А 21 октября 1912 г. газеты сообщили, что на съезде выборщиков Томской губернии, в состав которой входил тогда Алтайский округ, В. Н. Пепеляев получает 30 из 37 голосов и становится одним из самых молодых депутатов российского парламента, где примкнул к кадетской фракции и занимался, главным образом, вопросами образования, принимал активное участие в организации II Всероссийского съезда народных учителей.

Вскоре после Февральской революции Временное правительство направляет его комиссаром в Кронштадт. На главной базе Балтийского флота среди матросов и солдат под влиянием большевиков, анархистов и эсеров царили крайне радикальные настроения. В первые дни после падения монархии ситуация здесь полностью вышла из-под контроля. Жертвами стихийных расправ стали несколько десятков морских и армейских офицеров гарнизона крепости. Причина кровавых эксцессов не только в революционной агитации. Современники указывали также на вражеский след погромов и самосудов. В этих условиях требовалось определенное личное мужество, чтобы проводить политическую линию правительства в откровенно враждебном окружении.

Летом настал момент истины. Армия, которой его отец отдал всю жизнь, разваливается на глазах. Когда дезертирство становится массовым, Пепеляев сам надел солдатскую шинель и ушел на фронт. Впечатления и настроение тех дней предельно лаконично выражены в одном из писем жене: «Большевики (...) сделали все, что могут сделать предатели».

В родные края попасть удалось только летом 19 года. После падения в Сибири власти большевиков В. Н. Пепеляев, как член Центрального комитета кадетской партии и по его поручению, перешел линии фронта. В июле добрался до Омска. Через несколько дней - снова в путь по другим сибирским городам чтобы познакомиться с партийными организациями на местах, наладить их работу.

Но его миссия только этим не ограничивалась (Выезжая из Москвы, он получил большие полномочия для консолидации всех антибольшевистских сил; создания на этой основе сильной власти. Остаток лета и весь сентябрь ушли на разъезды по Сибири, Дальнему Востоку и Маньчжурии. В результате многочисленных численных переговоров с авторитетными общественными деятелями, консультаций с командованием чехословацкого корпуса, всей этой челночной дипломатии постепенно складывается убеждение, что больше всего на роль лидера белой России подходит адмирал А. В. Колчак. В его пользу говорили успешное командование Черноморским флотом, участие в героической обороне Порт-Артура, несколько полных экспедиций и научных работ. Таким образом, В. Н. Пепеляев стал одним из идейных вдохновителей переворота 18 ноября. Осуществленный несколькими казачьими офицерами Омского гарнизона, прошел, действительно, бескровно. Уже на следующий день было обнародовано обращение Верховного правителя России А. В. Колчака «К населению России». В этом программном документе, который составлялся с участием В. Н. Пепеляева, главной целью провозглашалось «установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне осуществленные по всему миру!»

Пик политической карьеры Виктора Николаевича совпал с агонией колчаковского режима. 23 ноября адмирал своим рескриптом вместо растерявшегося и опустившего руки П. В. Вологодского назначил Пепеляева председателем Совета министров. Новый премьер отдавал себе отчет, какую ношу взвалил себя. Разваливающийся фронт, резкая критика власти всеми кругами не внушали оптимизма. И, тем не менее, он не терял надежды стабилизировать положение. Программа кабинета министров предполагала диалог с оппозицией, объединение всех здоровых сил страны, решительную борьбу с произволом и беззаконием во всех их проявлениях, сокращение ведомств.

История отвела этому правительству ничтожно короткий срок. Через полтора месяца власть в Иркутске при откровенном попустительстве чехословацкого корпуса перешла к политцентру, в котором преобладали эсеры. Они оказались куда покладистее Верховного правителя. Вся железная дорога от Красноярска до Иркутска была забита эшелонами корпуса. В среднем на двух солдат приходилось по вагону. Чехословаки не упускали свой интерес - везли все, что только можно. От швейных иголок и самоваров до заводских станков и сельскохозяйственных машин. Колчак настаивал на том, что все это добро - российское достояние и должно остаться в стране. Политцентр особенно не щепетильничал и обещал беспрепятственно пропустить братьев-славян во Владивосток, где они, погрузившись на корабли, могли отплыть в Европу. Кончилось тем, что чехословаки задержали Верховного правителя и находившегося с ним его премьер-министра и передали их политцентру. А буквально через несколько дней тот добровольно уступил власть большевистскому ревкому.

Когда морозной ночью на 7 февраля 1920 года их вывели из тюрьмы, с противоположного берега Ангары от станции Иннокентьевской доносилась вялая перестрелка. Измученные тысячеверстным пешим переходом, отряды генерала Войцеховского вели бой на подступах к Иркутску. Но сил взять город у них явно не хватало.

Приговор привели в исполнение на бугре близ впадения в Ангару ее притока Ушаковки. Когда все было кончено, расстрельная команда бросила тело Пепеляева в прорубь. Следом за ним в последнее плавание ушел адмирал Колчак.

Земной путь Виктора Пепеляева завершился, а вот его брату Аркадию пришлось еще немало прожить и пережить. Готовиться к худшему он начал загодя, в самый разгар репрессий. Хоть и горько было, прекратил продолжавшуюся уже полтора десятка лет переписку с матерью Клавдией Георгиевной и другими родственниками, жившими в эмиграции в Харбине, провёл тщательную ревизию семейного архива, избавившись от бумаг и документов, которые, несмотря на свой сугубо личный характер, могли дать повод для его обвинения. В первую очередь пришлось уничтожить письма дорогих сердцу людей - матери и брата Анатолия.

Тогда, в 1937 году, слава Богу, пронесло. Не тронули Аркадия Николаевича, скорее всего, из сугубо прагматических соображений. В число постоянных

пациентов одного из лучших омских врачей, практиковавшего в первой городской поликлинике, что и по сей день находится в том же доме на Любинском проспекте, входила и тогдашняя местная элита. Атмосфера постоянного страха и, возможно, обреченности, в которой жила семья все последующие годы, не подавила в выпускнике Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, окончившем ее с отличием, лучших качеств российского интеллигента - способности анализировать и адекватно оценивать действительность, критически мыслить. В беседах в кругу сослуживцев он квалифицировал постановление правительства, строго карающее самовольный уход с производства, как ущемление личных свобод. Во введении 8-часового рабочего дня для медперсонала видел замаскированное снижение зарплаты, наступление на жизненный уровень, сетовал вопреки победным реляциям официального агитпропа на то, что из-за слишком высоких темпов индустриализации мало внимания уделяется легкой промышленности, что ведет к исчезновению с рынка товаров широкого потребления и падению реальной стоимости рубля. Не одобрял Аркадий Николаевич и коллективизацию, которая, по его мнению, оборачивается истощением сельского хозяйства, вызывает недовольство крестьянства, создает дефицит продовольствия в стране. Чтобы дойти до таких очевидных вещей, понятно, не обязательно быть семи пядей во лбу. Но большинство предпочитало об этом молчать. Аркадий Николаевич в силу своих представлений о порядочности и достоинстве чувствовал необходимость высказаться.

За ним пришли в роковой для страны день, в ночь на 23 июня 1941 года. Не раньше и не позже. И в этом тоже была своя логика. Далеко на западе немецкие танковые клинья, легко преодолев границу, уже устремились на советскую территорию, сея разрушения, панику и неразбериху. На приграничных аэродромах догорали искореженные самолеты, так и не поднявшиеся в воздух из-за нехватки боекомплекта, горючего, а то и просто из-за элементарного отсутствия приказа. А в глубоком тылу репрессивная машина тоталитарного режима работала как хорошо отлаженный механизм. В ее жернова бывший, как записал в его анкетных данных следователь УНКВД, потомственный дворянин угодил не только и не столько из-за своего образа мыслей. Почему, впрочем, бывший? Ведь дворянин - это не только классовое понятие, означающее принадлежность к сословию людей, состоящих на службе государству, а еще стиль поведения в жизни, манера

держаться, воспитание. Все, словом, то, что сейчас принято называть модным иностранным словом «менталитет». Так что социальное происхождение здесь ни при чем.

Заканчивая академию, молодые военные медики давали клятву. Это своего рода кодекс корпоративной чести: «Обещаю быть справедливым к своим товарищам врачам и не оскорблять их личности, однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицепрятия». И какая здесь, в принципе, разница - идет ли речь о человеческих немощах или о недугах, которым подвержено общество?

И сейчас, шесть с лишним десятилетий спустя, его дочь, Нина Аркадьевна, в деталях помнит эту ночь, как будто все было только вчера. Когда обыск подходил к концу и чекисты разбирали семейные фотографии, она загадала на одну из них - если снимок положат в левую стопку, ее уведут вместе с отцом. Карточку отложили направо. Через несколько минут отца увели. Больше они не виделись.

Человек самой гуманной и такой нужной в лихую годину профессии был заведомо обречен провести остаток жизни за колючей проволокой из-за фамилии, получившей широкую известность в Сибири в гражданскую войну в лагере белых. Но это станет совершенно очевидно позднее. И в этом контексте арест последнего из рода Пепеляевых можно трактовать, говоря современным языком, как сугубо превентивную карательную акцию - так, на всякий случай, как бы чего не вышло. Согласно сталинской теории обострения классовой борьбы по мере новых успехов в строительстве социализма брат председателя правительства белой России и одного из колчаковских генералов представлял для советского строя потенциальную опасность. Ну а уж коли дело дошло до открытого вооруженного противостояния двух систем, то и подавно от него можно ждать всего, чего угодно - подрывной деятельности, предательства. Для патриотизма, гражданственности, элементарной порядочности в этой незамысловатой схеме просто не оставалось места.

На следующий день после ареста составляется акт медицинского освидетельствования, бесстрастно констатирующий годность подследственного к физическому труду в условиях исправительно-трудовых лагерей. Это тоже гримаса Фемиды тех лет. Обвинительное заключение появится только пару месяцев спустя. Особое совещание при нарком

внутренних дел рассмотрит его и вовсе в начале будущего, 1942 года, а гулаговская медицина подобострастно, без лишних колебаний и ненужных сантиментов выносит подследственному свой скорый вердикт. Вот уж действительно - был бы человек, а статья найдется.

Начинается дело № 12385 с оформленного задним числом постановления на арест. Лейтенант госбезопасности Луговин нашел, что уроженец Томска Пепеляев Аркадий Николаевич в прошлом служил военным врачом, имел чин коллежского асессора, был награжден царским правительством четырьмя офицерскими орденами. Если не считать не подкрепленного никакими доводами утверждения, что сейчас он настроен враждебно, то для карательных мер оснований, в принципе, не густо. Тем не менее, начальники следственной части старший лейтенант Бирюков с постановлением на арест согласен, а заместитель областного прокурора Ивлев безропотно выдает соответствующий ордер, что, по сути, уже выглядит как пустая формальность.

Затем, как принято, постановление об избрании меры пресечения (содержание под стражей, что же иначе), протокол обыска и анкета арестованного. Из нее следует, что по профессии он врач-отоларинголог. А дальше - подряд несколько «не». В бандрах и восстаниях не участвовал, к антисоветским партиям и организациям не примыкал, имущества и собственности не имел. Правда, в графе «судимости» он упоминает о том, что находился под судом Ревтрибунала 5-й Армии за хранение каких-то документов, но был оправдан.

Дальше идут протоколы нескольких допросов, преимущественно ночных. Сменяющие друг друга следователи подробно расспрашивают арестованного о его родственных связях, рассчитывая, видимо, найти в них дополнительные аргументы, усиливающие хлипкие обвинения.

И такая тактика себя оправдывает. Отец арестованного, Николай Михайлович, до революции занимал в армии ответственные командные должности. Последняя из них - военный комендант Томска. Значит, крупный администратор царского режима - это раз. А продолжительная переписка с братом Анатолием, колчаковским генералом, - это два.

Естественно, следствие не могло оставить без внимания и упоминание в анкете об эпизоде 20-летней давности. Допрос о нем продолжался три с

половиной часа, хотя его протокол и занимает всего полторы страницы, написанные от руки крупным почерком.

«Подвергались ли репрессиям при Советской власти?»

- В 1920 году я был арестован органами ВЧК и находился под арестом примерно два месяца.

- За что?

- За хранение личных документов брата...

- Что за документы?

- Личные письма брата, его дневник и материалы следствия о расстреле семьи

Романовых.

- Каким образом документы оказались у вас?

- Принесла жена брата и попросила сохранить.

- С какой целью хранили документы брата, когда он уже был расстрелян?

- Хотелось сохранить память о брате. Жена его не решалась хранить, выполнял ее

просьбу.

- Каким образом документы оказались в ВЧК?

- Документы хранились в отдушине фундамента дома. Их обнаружил работник,

который работал по ремонту и передал их в ВЧК».

Брат, о котором здесь речь, - Виктор Николаевич, возглавлявший в самый трагический период для белого движения на востоке России кабинет министров. История с документами приключилась в 1920 году. Аркадий Николаевич со своим военным госпиталем эвакуировался в составе колчаковских войск от Омска до Красноярска. У берегов Енисея произошло одно из решающих сражений гражданской войны в Сибири, закончившееся поражением белой армии. Госпиталь вместе со своим главным врачом сдался в плен. Однако буквально через несколько дней весь персонал

зачислили в Красную армию спасать раненых, помогать увечным и страждущим в тот же Тюменский госпиталь. Правда, не главврачом, а младшим ординатором. Всюду свирепствовал тиф. Вошь не щадила ни красных, ни белых. И так ли уж важно для медиков, под чьими знаменами бороться с заразой, спасать раненых, помогать увечным и страждущим?

В Иркутске, где рабочий случайно наткнулся на сверток с бумагами и дюжиной сделанных на Урале снимков, Пепеляевы жили в одном доме с Ярославом Гашеком. Будущий создатель бессмертного романа о храбром солдате Швейке служил в политотделе 5-й Армии. По вечерам он играл с шестилетней Ниночкой Пепеляевой и ее старшей сестрой Таней и с забавным акцентом потчевал детей чаем «бэз сахара, хлэба и чая». Вот он-то и хлопотал за их отца. Еще писатель неплохо играл на скрипке. В доме Пепеляевых много лет потом хранились ноты, подаренные Гашеком незадолго до отъезда на родину. Пропали они в роковую ночь ареста Аркадия Николаевича...

Обстановка тотального террора и всеобщей подозрительности ломала жизни и судьбы не только жертв режима. Она калечила души их родственников. Известно множество примеров, когда от арестованных еще до приговора отрекались их ближайшие родственники - родители, дети, мужья, жены. Аркадию Николаевичу повезло больше, чем многим другим его товарищам по несчастью. Почти через два месяца после ареста следователь Поволоцкий допросил его жену Анну Георгиевну. Свидетелем, с точки зрения следствия, она оказалась никудышным. Единственное, чего от нее удалось добиться, - скурых сведений о родственниках: «Мать мужа, сестра мужа Вера Николаевна со своей семьей и жена брата мужа в 1919 году эвакуировались в Харбин. Насколько мне известно, мать мужа умерла в 1938 году (примерно).

- Откуда известно о смерти?

- С 1921 по 1935 год мы вели переписку, кроме того, Анатолий Николаевич материально помогал матери. В 40-м году нам стало известно от одной женщины (фамилию ее я не знаю), что мать мужа умерла в Харбине.

- В чем выражалась материальная помощь?

- Мы по почте пересылали ежемесячно 20 - 35 рублей. В 1928 году запретили посылать за границу советские деньги. Тогда мы нашли одну знакомую

Елизарову, которая проживала в Томске, а дочь ее - в Харбине. Деньги посылали Елизаровой, а она, в свою очередь, сообщала об этом дочери, и она передавала свекрови такую же сумму японскими знаками».

И дальше - примерно в том же духе. Минимум имен, фамилий, оценок. Дочь преподавателя кадетского корпуса полковника Г. Якубинского, служившего в молодости во время балканского похода адъютантом у легендарного генерала М. Скобелева, не забыла о том, что такое дворянская честь. Для нее это понятие не превратилось в пустой звук.

Роковую роль в судьбе Аркадия Николаевича сыграли двое его коллег-медиков. Допрошенные как свидетели, они дали показания о его критических суждениях, высказанных в разное время в доверительных частных беседах. Этого вполне хватило для обвинения в антисоветской агитации. Фамилии обоих врачей есть в следственном деле. Но вряд ли их уместно называть - у них могут быть дети, внуки, которые не имеют никакого отношения к грехам родителей. Приговор особого совещания - стандартная по тем временам «десятка» с отбыванием в Мариинских лагерях. Отсюда, из Кемеровской области, в конце августа 1944 года наркому госбезопасности уходит письмо в голубом самодельном конверте с летчиком на 30-копеечной почтовой марке.

- Находясь в заключении в исправительно-трудовых лагерях четвертый год, - пишет Аркадий Николаевич, - и считая, что главной причиной моего ареста и изоляции послужила моя принадлежность к известной по истории гражданской войны в Сибири фамилии Пепеляевых, нахожу возможным и своевременным в настоящий момент, когда победа Советской власти над фашистами обеспечена и неизбежна, обратиться с просьбой о пересмотре моего дела, о прекращении против меня репрессии и о предоставлении мне возможности доказать преданность Советской власти работой на фронте в качестве врача».

Полные достоинства слова - автор просит не о помиловании, не умоляет о пощаде. Так и хочется добавить за него еще одну короткую фразу: «Честь имею!» За сдержанным, сугубо деловым тоном письма решительная попытка бросить вызов судьбе, изменить ее. Чем она вызвана - отчаянием, безысходностью? Скорее, другое. То, что впитано с молоком матери, - свое понимание о долге, патриотизме. Как иначе объяснить, что годом раньше из знойного Хорезма, который за тысячи верст от Сибири, ушло аналогичное

письмо на имя самого Сталина. К вождю народов с просьбой отправить его на фронт солдатом обращался политический ссыльный Б. А. Энгергардт. Бывшему придворному пажу, участнику коронации последнего российского самодержца, потом полковнику царской армии шел уже восьмой десяток. Оба письма остались без ответа. Вскоре после войны Аркадий Николаевич умер в лагере от туберкулеза.

Как только в стране повеяло «оттепелью», Анна Георгиевна направляет в союзную прокуратуру заявление о посмертной реабилитации супруга. «Мой муж, - пишет она, - всю свою жизнь занимался врачебной деятельностью, никогда не занимался контрреволюционной агитацией. Дело не закончилось бы обвинением, если бы была возможность защищаться в судебном порядке».

Ходатайство не осталось без внимания - страна и впрямь начала меняться. Зимой 1956 года Н. С. Хрущев выступил на XX съезде с историческим докладом о культе личности, а уже 29 сентября тогдашний прокурор области Сучков вносит в президиум областного суда протест в порядке надзора. В нем старший советник юстиции отмечает, что в предварительном заключении А. Н. Пепеляев допрашивался 10 раз. На 9 допросах он отрицал обвинения и лишь на последнем признал себя виновным. Но из его показаний состава контрреволюционного преступления не усматривается.

Проходит еще три недели, и за подписью председателя президиума областного суда Игошева появляется постановление об отмене приговора ОСО. Доброе имя врача восстановлено, справедливость, хоть и с опозданием, и частично, но восторжествовала.

Забвению не подлежит.

Омск 2002 г. с. 418-423